

**Между «немощью» и «свободой»: к
политической истории понятия
«акратея» (XXXXXXXXXX)**

Акратия

10 сентября 2021 года

Оглавление

ЛИТЕРАТУРА

19

Статья посвящена исследованию греческого понятия «акратея» (ακράτεια) и политической истории его употребления в свете детерминированности измерением политического – в частности и в особенности дискурсами власти. В работе высказывается и обосновывается предположение о взаимосвязи между преобладающими в текстах коннотациями этого понятия и теми политическими и культурными контекстами, которые служили их концептуальными ландшафтами. Также на основании герменевтического анализа источников устанавливается траектория многоэтапной модализации рассматриваемого понятия и обнаруживается процедура «ступенчатой дефиниции», которая учреждала негативные значения слова и оставляла за бортом истории использования его возможные положительные значения.

Двадцатый век радикально изменил знание о языке и его роли в социальной реальности, сделав зримыми языковые структуры и процессы, лежащие в основе повседневности и наших представлений о ней. С тех пор слова перестали совпадать с вещами. Вернее, мы раз и навсегда утратили возможность заблуждаться относительно этого совпадения. Вещи, скрытые от нас напластованиями заряженного языка, замкнулись в себе. Впрочем, куда герметичнее вещей оказались многие явления и идеи. Преломляясь дискурсами разных систем до неузнаваемости, вплоть до полной инверсии, они оказались трудно уловимыми и требующими колоссальных исследовательских усилий.

В особенности это касается отношений внутри бинарной оппозиции, задающей, пожалуй, самый глобальный для человеческой истории диапазон напряжения, – оппозиции власти и свободы. Внутри нее возникает подавляющее большинство остальных линий напряжения и прочих бинарных оппозиций; ее поле сообщает импульс к поляризации политических взглядов, этических установок и экзистенциальных модусов. В широком смысле власть и свобода – две крайние точки, противостояние которых служит причиной и одновременно ландшафтом всех глобальных и локальных процессов и явлений в политике, экономике, обществе, повседневности. Онтологически это противостояние можно помыслить как противостояние единственного действительного множественному возможному; провозглашенной истины – переживанию бытия; некоего случайного статичного нечего (*властного сдерживания*) – всем возможным вариантам его отрицания или динамическому ничто (*без-властному не-удерживанию*), пластичному и открытому вариативному многообразию и динамике конкретных нечего; завершеного – длящемуся в бытии; конца – процессу, чреватому началами. Иными словами, оппозиция «власть–свобода» исторически всегда была и по-прежнему остается фундаментальной разметкой нашего взаимодействия с миром и присутствия в нем всех прочих явлений и систем.

Несмотря на постмодернистскую деконструкцию самого принципа бинарности как инструмента мышления, бинарные оппозиции, во-первых, продолжают сохраняться как в структурах языка и мышления, так и в производимой ими реальности. Во-вторых, даже если бы деконструкция всецело удалась, едва ли следовало бы отказываться от этой последней оппозиции – позволяющей, по крайней мере,

зарегистрировать то, в борьбе с чем деконструкция и формировалась как метод. Оппозиция «власть–свобода» – это своего рода контур бинарных модальностей.

Однако в ней, в отличие от прочих, отсутствует определенность иерархической шкалы. Так, если в классических бинарных оппозициях – «верх–низ», «мужчина–женщина», «разум–чувства», «белый–цветной», «ученик–учитель» и других, как замечает Ж. Деррида, всегда одновременно уже содержится заведомый онтологический приоритет одного из элементов [1. Р.135; 2. Р.81], в случае с оппозицией «власть–свобода» это отнюдь не так. По крайней мере, на уровне риторики и то, и другое в приблизительно равной степени представлено в западной традиции как ценности. Часто – парадоксально одновременно. Часто – в тех или иных пропорциях и с определенными оговорками. Это основание представляется нам достаточным для того, чтобы считать эту бинарную оппозицию исключительной и требующей особого подхода.

Впрочем, интерес в ней представляет и ее методологический характер: утратив ее, мы одновременно лишаемся инструмента регистрации власти (то есть того, из-за чего вообще все бинарные оппозиции возникали и посредством чего существовали).

В этом смысле категориальная пара «власть–свобода» срабатывает как сама возможность учреждения оппозиций вообще в плоскости насильственного утверждения бинарности в самой логике: альтернативой истине может быть только ложь (это значит, что любое альтернативное означивание автоматически объявляется ложным, будучи не-истинным), хоть это вовсе и не обязательно в случае трехзначных, многозначных или бесконечнозначных логик, которые модифицируют даже само понятие противоречия.

Возможной причиной такой иерархичности в парах оппозиций в рамках европейской философской традиции является аналогия с еще одной категориальной парой «бытие–небытие», в которой есть только бытие, а его противоположности как бы и нет. И все же она есть как сама возможность отрицания бытия. Только на уровне логической операции отрицания, а не на уровне реальной онтологической альтернативы бытию.

Таким образом, значимость оппозиции «власть–свобода» обусловлена, с одной стороны, аксиологическим, с другой методологическим, а с третьей – временным и ситуативным характером (бинаризм по-прежнему ощутимо детерминирует реальность и активно присутствует в нашем мышлении).

Кадр из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

Что же представляют собой эти противостоящие компоненты?

Пожалуй, это один из самых сложных вопросов. Поскольку он всегда упирается в то, кто на него ответит [3. С. 147–149]. Подавляющее большинство определенных власти сформулированы и провозглашены в качестве официальных самими сторонниками принципа власти (в тех или иных масштабах и пропорциях). Власть как искусство управления, власть как залог порядка, власть как естественное право, власть как завоеванное лидерство – все эти оттенки исчерпывающе заслоняют собой любые неприглядные или разрушительные аспекты понятия «власть» (власть как подавление, власть как репрессии, власть как принуждение, власть как отрицание индивидуального), не говоря уже о тонкостях процедуры, лежащей в основе этого определения и позволяющей вообще констатировать осуществление власти.

С этой точки зрения, власть можно определить как то, что препятствует и субъектам волеизъявления и их высказываниям существовать сообразно их намерению или внутреннему порядку. В том числе – грамматическому. Лучше всего это видно на примере слов, маркирующих напряжение внутри бинарной оппозиции «власть–свобода» в точке, приближающейся к полюсу «свободы» как «не-власти». Так, грамматически слово «архэ» (ⓧⓧⓧⓧ) буквально означает «начало» как «исток» или как «власть», а приставка «ан» (ⓧⓧ-) буквально означает «без». Таким образом, «анархия» (ⓧⓧⓧⓧⓧⓧⓧ) буквально переводится как «безначалие» (т.е. «без источника вообще», а в связи с этим «имеющее источник лишь в самом себе») и «безвластие». В этом случае она означает то самое пространство антивласти, точку запуска инверсии, место не срабатывания власти, о которых речь шла выше, а также стремление к самоучреждению – полаганию истока себя самого в самом себе, а истока другого – в другом. Однако ни для кого не секрет, что гораздо чаще это слово используется в значении «хаос», «беспорядок», «произвол».

Проблеме дискредитации самого понятия «анархизм», а также образа анархизма и анархистов посвящено множество текстов, в том числе на русском языке [9; 10]. Известно, что основным источником этой дискредитации исторически являлись дискурсы господствующих систем власти – более оснащенные, более громкие, обладающие мощным ресурсом влияния и убеждения и вкладывающие свой голос в уста всех официальных институций – от воспитания и образования – до учреждений и дискурсов пенитенциарной системы, СМИ и даже рынка. В результате слово «анархизм» обросло различными отрицательными коннотациями или и вовсе стало ругательным или даже ассоциируемым с чем-то преступным, заведомо предохраняя любого от интереса к его собственным концептуальным построениям, что в том числе все чаще становится причиной квалификации самого интереса к нему как уголовного преступления.

Такая проблематичность термина «анархизм»³ неоднократно становилась причиной попыток найти альтернативный термин – менее скомпрометированный, менее искаженный в повседневном словоупотреблении, заряженном вербальными и невербальными вмешательствами действующих систем власти на всех ее уровнях, который бы отсылал к положительному ядру идеи анархизма как самовластия – «автократии» (ⓧⓧⓧⓧⓧⓧⓧⓧⓧ) – в смысле власти самого себя над самим собой

³ Другая проблема данного термина касается не слишком распространенного, но все же важного ракурса, который подробно исследует Дж. Агамбен в своем трактате «Царство и слава», где он ссылается на теологический диспут о том, только ли Бог является «ан-архос» (без-основным, изначальным), или также и Христос. С этой точки зрения, подлинно ан-архичной претендует быть как раз абсолютная власть: свободная от оснований и укорененная в абсолютном бытии (и подобная Богу), она осуществляет свои отправления из себя самой и в этом жесте реализуется ее совершенство [12. С. 99–112]. В дополнение к идее Агамбена следует отметить, что в иудео-христианской теологии есть императив уподобления Богу (да и Бог уже изначально творит человека по образу и подобию Своему), в связи с чем любому верующему христианину следовало бы стать ан-архичным в той мере, в какой он вообще способен к реализации самой идеи обожения. Подобный ан-архизм, согласно этой логике, должен был бы стать вполне богоугодным проектом в рамках иудео-христианской традиции, чего почему-то не происходит ни на каком этапе развития христианства в силу вытеснения этого проекта другими дискурсами – власти и построения иерархии в Церкви.

и свободы как права (ⓧⓧⓧⓧⓧⓧ), без отсылок к понятиям «хаоса», «произвола», «беспорядка».

Так, в конце XIX века, в связи с ужесточением законов о цензуре политической деятельности, французские анархисты вместо слова «анархистский» были вынуждены обратиться к эвфемизму «либертарный». С тех пор вплоть до середины XX века эти слова использовались как полные и взаимозаменяемые синонимы. Однако понятие «либертарный» было не так отчетливо заряжено ложными коннотациями в глазах общества, что обеспечивало несомненно большую привлекательность для людей, еще не знакомых с идеями анархизма. Употребление этого эвфемизма, в самом деле, на некоторое время повысило популярность анархистского проекта (впрочем, на фоне его масштабных практических успехов и побед) [13. С. 173–196, 302–332, 386–415; 14. С. 112–117; 15; 16; 17; 18].

Однако к началу XXI века возникла другая проблема: усиление идеологии неолиберализма, с одной стороны, и проекта либертарианства, с другой, стало причиной путаницы в повседневном соприсутствии этих понятий в медиа и повседневном общении. Это поставило традицию анархистской мысли перед дилеммой: вернуться к истерзанному понятию «анархия» или созерцательно воспринять смешение с антагонистичными концепциями. Консенсуса по данному вопросу до сих пор нет. Внутри текстов анархистского корпуса по-прежнему одинаково часто встречаются оба термина, несмотря на длительную историю их концептуальных деформаций.

Кадр из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

Таким образом, запрос на понятие, альтернативное понятию «анархистский» (или хотя бы дополнительное к нему), исторически возникал в разных ситуациях и в связи с разными обстоятельствами. Сегодня он обретает новые основания. Выше мы затронули проблему перегруженности этого понятия фрагментами дискредитирующих дискурсов, прочно закрепившимися за ним в поверхностных слоях культуры. Однако при ближайшем рассмотрении такая перегруженность проблематична не только в этом смысле. Так, сложность и многомерность феномена анархизма, его сущностная связь с областями политического, социального, экономического и – что самое главное – его встроенность в горизонт исторического, часто делает невозможным употребление понятия «анархистский» применительно к философской перспективе безвластного без многословных уточнений. В самом деле, применяя прилагательное «анархистский» к философской оптике того или иного текста, мы всякий раз вынуждены разъяснять, что не имеем в виду ни причастность автора к политическому движению, ни даже его артикулированные политические взгляды (или, по крайней мере, не с необходимостью имеем в виду именно их). Тем не менее, текстов и высказываний, созданных именно из философских оснований анархизма, и потому значимых для развития этого сложного феномена, крайне много. Рассыпанные по разным эпохам, они часто остаются незримыми именно по причине совпадения лишь с философскими основаниями анархизма, но не со всеми значениями, заключенными в этом понятии, и накопленными в нем за долгую и непростую историю существования. В этом смысле совершенно очевидной становится необходимость термина, который мог бы обозначать именно эти основания – родовую для анархизма перспективу безвластного, но в строго теоретическом, категориальном смысле,

вне привязки к множеству других дополнительных оттенков и коннотаций, которыми богаты понятия «анархизм» и «анархистский». Это уточнение позволило бы развести общее и частное и избежать путаницы и объяснительных нагромождений в тех случаях, когда нас интересует именно «анархо-философское» измерение, но не привязанность к конкретному историческому сюжету, личности или дискурсу. Таков еще один возможный ракурс запроса на понятие, дополнительное к существующему понятию «анархистский».

В свете сказанного представляет интерес еще один вариант синонима понятия «анархия». Так, в греческом языке, наряду с «архэ» (ἄρχη) в значении «власти» существует синонимичное ему в этом значении понятие «кратос» (κράτος) с основным значением «сила, мощь, сдерживание» и вторым значением «власть». С этой точки зрения, сама морфология словообразования побуждает рассмотреть слово «акратея» (ἀκρατεία) в качестве синонима для «анархии» (ἄναρχία) в значении «без власти», что могло бы привнести новые смысловые нюансы в старые анархистские идеи. Возможность такого словоупотребления позволила бы ввести в оборот фонетически удобное, лексически достаточно известное и грамматически точно ретранслирующее смысл прилагательное «акратический», но не в значении «без начала» как у слова «анархия» (что, безусловно, коррелирует с хаосом, беспорядками и произволом), а именно в значении «не-сила», «не-властие», «не-удерживание», «не-принуждение» – свободное самоучреждение различных упорядоченностей. Именно с помощью понятия «акратеи» могла бы появиться возможность отсечь репрессивный смысл значения «власти» (который и отрицается в слове «анархия»), но оставить упорядочивающий и творческий смысл значения «начала» (который вовсе необязательно отрицается всеми проектами анархизма). Это позволило бы убрать все отрицательные коннотации слова «анархия», связанные с разрушением и хаосом как необходимыми элементами анархии, оставив однако существенный и конструктивный аспект смысла самой идеи анархизма как отрицания власти: понятие «акратея» является антонимом именно понятию власти как удерживанию, а не понятию начала. Исторически же складывается объединение этих различных значений слова «архэ» (ἄρχη), что формирует с семантической необходимостью положительный смысл значения «власти» как «начала», что совершенно необязательно так (история полна примеров разрушительного и негативного действия власти), и при этом – обязательно негативный смысл слова «анархия», что семантически также вовсе не обязательно.

Исторически же сложилось так, что слово «акратия» (ἀκρατία), прототипом которого является древнегреческое слово «акратея» (ἀκρατεία), – это слово-варваризм, поскольку составлено было из греческих частей слов, но не по принципам древнегреческого словообразования. По этой причине оно практически не встречается в словарях и справочниках, и вследствие этого оказывается трудно уловимым для исследования, находясь в своеобразном «пограничном» состоянии между длительным существованием *de facto*, с одной стороны, и небытием *de jure*.

Это обстоятельство вызывает закономерный вопрос о самой природе понятия «варваризм» и его референте. Сегодня феномен «варваризмов» (и вообще «варварства») широко осмысливается в гуманитарном знании именно как политически

нагруженный. Так, в своей последней громкой монографии «Искусство быть неподвластным» антрополог Д. Скотт подчеркивает:

«Моя модель исторического процесса разрушает доминирующей в Китае и иных странах цивилизационный дискурс о “варварах”, “отсталых” и “примитивных” народах. При ближайшем рассмотрении все эти понятия на самом деле обозначают неуправляемые и пока-не-поглощенные-государством сообщества. Цивилизационные дискурсы никогда не признают, что люди по собственному желанию переходят в варварское состояние, а потому оно всячески стигматизируется и этнизируется» [19. С. 11].

«По большей части первые шаги любого государственного строительства были связаны с названием тех объектов, которые прежде многократно меняли свои названия или были безымянны, – деревень, округов, родов, племен, вождей, семей и полей. Процесс придумывания названий, будучи встроен в систему административного управления, порождал прежде не существовавших социальных субъектов. Для ханьских чиновников одной из отличительных черт “варваров” было отсутствие отчеств. Существование подобных стабильных имен у самих ханьцев объяснялось их прежними попытками создания государственности» [19. С. 336].

В свете этой рефлексии «варваризм» следует трактовать как перформативный термин, призванный закрепить за своим референтом подчиненное место в установленной метафизической иерархии, исключая из зримости присущие ему значения и способы присутствия в реальности – в частности, например, такое значение варваризма «акратия» (XXXXXXXXXX) как отказ от признания власти в форме государственности было заслонено отрицательными коннотациями более благозвучной для греческого уха «акратеи» (XXXXXXXXXX) с совершенно другими значениями. Это обстоятельство затрудняет любое исследование феномена власти, тенденциозно скрывая значимые для понимания ее процессов компоненты реальности. В том числе все языки, кроме ее собственного. Историческая судьба понятий «акратия» (XXXXXXXXXX) и «акратея» (XXXXXXXXXX) – яркий тому пример.

Слово «акратия» (XXXXXXXXXX) в интересующем нас значении имеет и современную историю употребления: его использовали испанские анархисты для обозначения общества без государства в значении «не-господство», «невластие», «доктрина неподвластных» (*doctrina de los ácratas*), или «воззрение, которое отрицает необходимость власти или авторитаризма» (*doctrina que niega la necesidad de un poder o de una autoridad*), а также и просто как синоним анархизма⁴. Также немецкий социолог Франц Оппенгеймер в «Теории демократии» обозначает этим термином отмену

⁴ Испанский толковый словарь (*Diccionario de la lengua Española*) дает следующее определение акратии: «*acracia* (del gr. XXXXXXXXXXXX). f. *doctrina de los ácratas*» (акратия – доктрина неподвластных) [20]. Испанскому проекту акратии также посвящен интернет-ресурс [21].

политического классового общества, показывая, что реализация демократии возможна только при полном прекращении любой крaтии и осуществлении акрaтии, которая является идеалом общества, избавленного от любых олигократических пережитков [22]. Также «Акрaтией» назывался испаноязычный журнал «Acracia. Revista Sociológica», издававшийся в Барселоне в 1886–1888 гг. [23], а также немецкоязычный журнал «Akratie» об историческом анархизме, издававшийся в 1973 – 1981 гг. в Базеле [24].

Однако, пытаясь исследовать историю этого понятия, мы обречены столкнуться с еще одной проблемой: при более пристальном рассмотрении языковое измерение процесса власти обнаруживает не только «сокрытие лишнего» (столь характерное для всех эпох и культур – идет ли речь о книгах китайских чиновников или об исправлении справочников и энциклопедий эпохи сталинизма), но и его замещение иным – его сниженным и карикатуризированным подобием, заслоняющим семантический потенциал слова другими, как минимум этически менее нейтральными, а как максимум и вовсе отрицательными значениями. Именно так произошло с исследуемым понятием, в связи с чем, предметом настоящей статьи является попытка проследить, почему древнегреческое слово-прототип «акрaтии» (ἄκρατία) – «акрaтея» (ἀκρατεία) – исторически не обрело этих значений и не стало синонимом для слова «анархия», оставшись на периферии политического и социально-философского дискурсов.

Кадр из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

Греко-английский словарь Х.Г. Лидделя и Р. Скотта [25] в качестве одного из первых значений слова «акрaтея» (ἀκρατεία) дает «want of power» – устаревшее клише для обозначения «lack of power» – «недостаток власти». Вторым значением идет «incontinence» – несдержанность, невоздержанность, а также и более физиологические значения – недержание мочи, кала или семени (ἀκρατεία ἢ λυσιτελεία [Sor. 2.47]) и «want of self-control» в значении недостатка самообладания [Pl.R.461b, Lg.734b], например, недостаток самообладания в отношении удовольствий и желаний (ἀκρατεία ἢ λυσιτελεία ἢ ἄκρατος ἢ λυσιτελής [ib.886a, etc., cf. Ph.2.406]), антонимом которым будет греческое «энкратея» (ἐγκρατεία) – господство, самоконтроль. Глагол «акратэомай» (ἀκρατεύω) – в значении быть несдержанным или невоздержанным – употребляется, например, Аристотелем, а также в текстах других авторов [Arist. EN 1145b22, 1152a28; Phryn.406; Men.989; Plu. ap. Stob.3.6.53.].

Рассмотрим подробнее историко-философскую судьбу понятия «акрaтея» (ἀκρατεία) в границах античной философии. У Платона в «Государстве» этот термин (хоть и в отрицательном значении невоздержности) употребляется в контексте противопоставления жреческой власти как власти закона, который должен регламентировать деторождение, и того, что этой власти может противостоять – некоторой невоздержанности:

– ...Мы сказали, что потомство должны производить родители цветущего возраста.

– Верно.

– А согласен ли ты, что соответствующая пора расцвета – двадцатилетний возраст для женщины, а для мужчины – тридцатилетний?.. и у тех, и у других это время телесного и духовного расцвета. Если же кто уже старше их или, напротив, моложе возьмется за общественное дело рождения детей, мы не признаем эту ошибку ни благочестивой, ни справедливой: ведь он произведет для государства такого ребенка, который, если это пройдет незамеченным, будет зачат не под знаком жертвоприношений и молитв, в которых при каждом браке и жрицы, и жрецы, и все целиком государство молятся о том, чтобы у хороших и полезных людей потомство было всегда еще лучше и полезнее, а, напротив, под покровом мрака, как плод ужасной невоздержности (ἄκρατος ἄλλ' ἀκρατέστατος μὲν ἀκρατέστατος ἀκρατέστατος ἀκρατέστατος).

– Это верно.

– Тот же самый закон пусть действует и в том случае, если кто из мужчин, еще производящих потомство, коснется женщины пусть и брачного возраста, но без разрешения правителя на их союз: мы скажем, что такой мужчина преподнес государству незаконного ребенка [Plato, Phil. Resp. 461b2].

В данном пассаже значение слова «акратея» (ἀκράτεια) хоть и отрицательное, однако отмечен его политический потенциал – противостояние частного желания (личного измерения) и общих властных практик (коллективного «желания» как своеобразной «невоздержанности в сдерживании» вплоть до претензии власти на сдерживание эротических порывов граждан, которые впрочем сдерживаются властью не во все исторические периоды и не во всех обществах – что отражает довольно субъективное и случайное свойство подобных практик властного удерживания (кратии) или сдерживания чего бы то ни было и квалификации чего-то как невоздержанности – акратеи).

Прилагательное «акратический»/«акратичный» (ἀκράτικος/ἀκράτικος), берущее свое происхождение от значения «несдержанность», противопоставляется у Аристотеля великодушию (μεγαλοψυχία) в ряду таких понятий как малодушие (μικροψυχία), невоздержанность (ἀκρατία) и даже несправедливость (ἀδικία) [Arist. De virtutibus et vitiis 1250a1 и Arist. Rh. 1391a19]. В одном из пассажей трактата «О добродетелях и пороках» Аристотель подробно перечисляет добродетели и пороки с их определениями и привязкой к частям души: рассудительность (σοφία) – безрассудству (ἀσοφία), кротость (πραΐτης) и мужество (ἀνδρεία) – гневливости (ἀνδρογία) и трусости (δυσωλία) соответственно, благоразумие (εὐνομία) и воздержанность (ἐπιείκεια) – соответственно распушенности (ἀσώβεια) и невоздержанности, т.е. «акратее» (ἀκράτεια),⁵ где безрассудство – это негодность разумной части души (λογιστικῆς ψυχῆς ἀσώβεια), трусость – это негодность яростной части души

⁵ См. об этом подробнее в [26].

(ἀκρατεῖα ἢ ἄκρατος ἄκρατος ἄκρατος ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης), а невоздержанность или «акратея» (ἀκρατεῖα) – негодность желаемой части души (ἀκρατεῖα ἢ ἄκρατος ἄκρατος ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης). Однако, в отличие от распущенности (ἀκρατεῖα) невоздержанность, согласно мысли Аристотеля, устроена иначе по отношению к разумной части души:

«Распущенность – это порок желаемой части души, из-за которого [люди] стремятся к вкушению дурных удовольствий. Невоздержанность – это порок желаемой части души, из-за которого [люди] избирают дурные удовольствия, хотя рассуждение противится этому» [Arist. De virtutibus et vitiis 1250a20 – 25].⁶

Таким образом, согласно мысли Аристотеля, в отличие от распущенности (несознательного влечения к дурным удовольствиям), невоздержанность (ἀκρατεῖα) – это не порок разумной части души, а сознательно реализуемое (и возможно даже добровольное и в этом смысле самоуправляемое) стремление к дурным удовольствиям, осознанным как дурные в контексте тех или иных представлений о том, что считается в данном историческом контексте дурным или нет (ср., например, цитируемый выше фрагмент Платона из «Государства», в котором рождасть новых граждан без благословения жрецов постыдно, и, например, более современные представления о том, что рождение новых граждан с точки зрения практически любого светского государства – дело достойное и безотносительно благословения жрецов).

Противоположную трактовку осознанности и добровольности акратеи как невоздержанности можно найти у Платона в «Тимее»:

«Итак, душа его больна и безумна по вине тела, однако все видят в нем не больного (ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης), но добровольно порочного человека (ἀκράτης ἢ ἀκράτης ἀκράτης). На деле же любовная необузданность (ἢ ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης) есть недуг души, чаще всего рождающийся по вине одного единственного вещества, которое сочится сквозь поры костей и разливается по всему телу. Когда так называемую невоздержанность в удовольствиях (ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης) хулят как добровольную порочность (ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης ἀκράτης), хула эта почти всегда несправедлива (ἀκράτης ἀκράτης): никто не порочен по доброй воле, но лишь дурные свойства тела или неудавшееся воспитание делают порочного человека порочным, притом всегда к его же несчастью и против его воли (ἀκράτης ἀκράτης)» [Plato Phil. Timaeus 86 d 6].

Однако у Платона, в отличие от Аристотеля, еще не различены понятия необузданности (ἀκράτης ἀκράτης) и невоздержанности (ἀκρατεῖα), которые могли бы варьироваться по степеням перехода от *несвободного* к *свободному* стремлению к удовольствиям, хоть и дурным, делая понятие акратеи синонимом свободного волеизъявления.

Интересно также, что в «Законах» Платон невоздержанностью (ἀκρατεῖα) называет источник однополой любви:

⁶ Перевод с греческого дан по [26].

«Эти учреждения извратили не только среди людей, но даже среди животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть на подобные вещи, шутливо ли (ἄκρητος πᾶσι τοῖς ἀνθρώποις) или серьезно (ἄκρητος ἅπασαν τὴν φύσιν), приходится заметить, что наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущее за собой рождение, уделено нам от природы (ἄκρητος φύσιν ἀκρητῶς), соединение же мужчины с мужчиной и женщины с женщиной – противоестественно (ἀκρητῶς ἀκρητῶς) и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях (ἄκρητος ἀκρητῶς ἀκρητῶς)» [Plato Phil. Leges 636 c 6].

– т.е. нечто не-природное, против-природное, излишнее в природном порядке вещей, «акратическое» почти в кантовском смысле противопоставления природы и свободы. В этом смысле словоупотребления у акратеи обнаруживается также и смысловой потенциал «свободы». А далее в «Законах» же Платон видит в акратее, как и в невежестве, причину отсутствия рассудительности у большинства людей:

В рассудительной жизни (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς) удовольствия перевешивают тяготы, в разнузданной (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς) — страдания превышают удовольствия как величиной, так и количеством и напряженностью. Поэтому первый род жизни для нас более приятен, а второй по своей природе неизбежно становится более скорбным. Для того, кто хочет приятно жить (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς), становится невозможным по доброй воле (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς) жить невоздержанно (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς). Отсюда ясно, что всякий бывает разнузданным против воли (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς); это необходимо, если правильно то, что мы только что установили. Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо по невежеству (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς), либо из-за отсутствия самообладания (ἡ ἀκρητὴς ἀκρητῶς ἀκρητῶς), либо по обеим этим причинам [Plato Phil. Leges 734 b 5].

Можно было бы привести сходные словоупотребления слова «акратея» (ἄκρητος) как недостатка и у других античных авторов,⁷ но подробный обзор исторического словоупотребления греческого слова ἄκρητος в античной и византийской греческих литературных традициях является отдельной исследовательской задачей, выходящей за рамки проблематики, которую мы хотели бы осветить в данной статье. Подытожим лишь, что зачастую «акратея» (ἄκρητος)

⁷ Ср. например, Платон в «Законах» называет акратеей «необузданность в удовольствиях и страстях» (ἄκρητος ἀκρητῶς ἀκρητῶς ἀκρητῶς), видя в них причину нечестивой жизни души [Plato Phil. Leges 886 a 9]; Гермий Александрийский в «Комментарии к “Федру”» также два раза противопоставляет акратею энкратее как нечто неразумное – разумному [Herm. Phil. In Platonis Phaedrum scholia 52.22, 196.18]; Симпликий в «Комментарии на “Энхиридион” Эпиктета», рассуждая о законности брака, полагает бесчестие (ἄκρητος) «признаком всяческой невоздержанности» (ἄκρητος ἀκρητῶς ἀκρητῶς) [Simpl. Phil. Commentarius in Epicteti enchiridion 117.43]. Список примеров можно было бы продолжить.

употребляется древними авторами не только в значении несдержанности или невоздержанности как свойства личности (или состояния желающей части души), но и в значении негодности как война или слуги, или стражника-надзирателя – т.е. человека, негодно выполняющего те или иные функции власти или удерживания (ἄκρατος), т.е. такого человека, который не может (или умышленно не желает) встраиваться в структуры сдерживания и подавления других, иными словами – не человека несдержанного, а человека неудерживающего во втором смысле⁸. И этот человек не только есть человек, никем не сдерживаемый, но и сам сознательно и добровольно отказывающийся от идеи удерживания кого-либо: не сдерживаемый никем (ἄκρατος) и не удерживающий никого (ἄκρατος, ἀκρατῆς).

При этом задача самоудерживания и власти над собой в рамках акратического проекта естественно не отменяется, но выстраивается прежде всего на формировании добродетели неудерживания других, что требует как раз усилий по самосдерживанию от провала во властные и силовые практики воздействия на других. Другие же этические добродетели в акратической этике полне могут также трактоваться как воздержание от несдержанности во втором более распространенном значении слова «акратея».

Кадр из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

Что касается глагола «акратео» (ἄκρατος), который означает «быть невоздержанным» в основном своем значении, но в качестве второстепенных значений предполагает в том числе значения «быть бессильным», «парализованным», в юридическом смысле «недействительным» и «не имеющим законной силы», – он означает в том числе и «не имеют власти или права распоряжаться чем-то или кем-то». Таким образом, в глаголе присутствуют уже как минимум два значения: «быть не в состоянии воздерживаться от чего-либо» (этический смысл) и «остаться без контроля над собой и над другими людьми» (социально-политический смысл),⁹ второе из которых

⁸ Ограничимся тут лишь упоминанием еще двух, интересных с нашей точки зрения, примеров и укажем на «Киропедию» Ксенофонта, где «акратея» (ἄκρατος) упомянута в ряду трех недостатков Араспа, стражника Панфеи – нечестия (ἀδυστοχία), несправедливости (ἀδικία) и невоздержанности, как по отношению к содержащейся под его надзором женщине, так и по отношению к самому Киру, который поставил его охранять ее [Xen. Hist. Cyropaedia 6.1.35.4], что является еще одним примером выражения политического потенциала этого слова в значении противопоставления власти и личного волеизъявления; или его же «Греческую историю», где акратея (ἄκρατος) наряду с равнодушием и небрежностью (ἀμελειά) трактуются как недостатки воинов и полководцев, т.е. представителей силы и власти, основной недостаток которых естественно – в нежелании или плохом воплощении директив этой власти в действие [Xen. Hist. Hellenica 1.5.16.3].

⁹ В этих значениях глагол ἄκρατος, согласно соответствующей словарной статье в словаре Лидделля-Скотта, можно найти в произведениях следующих авторов: 1. Быть ἄκρατος, Hp.Mul.1.25, Poll.2.154; Ep.part. - ἄκρατος ἀκρατῆς Man.4.548; ἄκρατος, ἀκρατῆς, (ἄκρατος) бессильный, неспособный ἄκρατος S.OC1236; πᾶσι ἄκρατος Hp.Aër.10; парализованный, IG4.951.22 (Epid.), Aret.SD1.7.2. В юридическом смысле недействительный, не имеющий законной силы, πᾶσι ἄκρατος GDI5653 (Chios), cf. IG12(8).267.12 (Thasos); II. c. gen. rei, не имеющий власти или влияния на что-либо, ἄκρατος A.Pr.884; ἄκρατος, πᾶσι ἄκρατος ἀκρατῆς, ἀκρατῆς, Hp.Morb.1.3, Art.48, Morb.2.6; ἄκρατος Th.3.84; ἀκρατῆς Pl.Lg.869a; ἀκρατῆς ἀκρατῆς, о человеке со связанными руками, D.H.1.38; несдержанный в использовании чего-либо, ἀκρατῆς ἀκρατῆς, ἀκρατῆς, X.Mem.1.2.2, Oec.12.11; ἀκρατῆς ἀκρατῆς, ἀκρατῆς невоздержанно стремиться, Arist.EN1147b33; with Preps., ἀκρατῆς ἀκρατῆς ἀκρατῆς Id.HA594a10; πᾶσι ἄκρατος πᾶσι ἄκρατος Id.PA691a3: c. inf., ἀκρατῆς ἀκρατῆς ἀκρατῆς неспособный воздержаться от чего-либо, Pl.Sph.252c. Наречие ἀκρατῆς, Ion.

В связи с этим, необходимо сделать вывод, что случайное историческое словоупотребление, сложившееся исторически под воздействием тех или иных политических процессов, не должно определять грименевтический потенциал слов, и особенно слов, связанных с оппозицией «власть–свобода». Однако, как мы попытались показать в статье, на этом пути самостоятельного образования «нашего метафизического языка» нас могут ожидать внушительные препятствия со стороны исторических практик словоупотребления понятий, которые сами формировались под воздействием субъективных, произвольных и довольно случайных дискурсов власти, в рамках которых формировались и закреплялись те или иные значения слов. В этом смысле, акратический проект освобождения от любых репрессивных практик был исторически дискредитирован, с нашей точки зрения, практиками использования этого слова в основном полностью в отрицательных значениях, которые вытесняли из практик обыденного словоупотребления положительный и политически значимый потенциал этого слова.

Кадр из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

Герменевтический анализ источников, предпринятый в данной статье, показывает, что семантика слова «акратея» и связанных с ним однокоренных слов не настолько однозначна, как это может показаться на первый взгляд, и связана не только с отрицательными коннотациями, хоть до сих пор и преимущественно с ними, что позволяет сформулировать гипотезу, что эти слова вполне возможно зафиксированы в истории развития языка не столько в собственных значениях, сколько сквозь процедуру интерпретации господствующими властными дискурсами.

Таким образом, мы обнаруживаем основания говорить о «ступенчатой» дефиниции понятий, связанных с альтернативами властному порядку существующих социально-политических систем, поскольку итоговое значение закрепляется не в связи с конкретным содержанием понятия, а посредством многоэтапной и часто рекурсивной его модализации в текущем политическом контексте. Это означает, что лексическим итогом такой дефиниции оказывается не собственное значение слова, а его содержательная трактовка, которая исторически складывалась и распространялась под воздействием господствующих дискурсов, от лица которых создавались те или иные тексты, включающие это слово, – в том числе и тексты словарей и энциклопедий, которые нам дают «основные» значения тех или иных слов.

Впрочем, если вспомнить такую «тактику ускользания» [19. С. 276, 303], как сознательный отказ от письменности, широко практиковавшийся народами, бежавшими от государственности в горы [19. С. 9, 11], кое-что здесь действительно проясняется. Так, текстовые памятники эпохи – как и исторические летописи – первичной целью своей имеют не столько документацию реальности, сколько поддержание ее определенного образа, необходимого для статуса-кво текущей модальности отношений «власть–свобода». И в этом смысле часто оказываются такими же малоинформативными, как и любые идеологические источники.

В свете этого справочники и другие тексты, созвучные большим нарративам, включают в себя сведения о явлениях не с точки зрения их внутреннего порядка, а с точки зрения их роли в текущей системе власти. Учитывая то, что для любых систем власти исходный модус свободы (безвластия) является неприемлемым и

подлежащим деконструкции, стратегия выбора слов для его обозначения неизбежно связана с намерением деконструировать его. Здесь и расположены дополнительные «ступени дефиниции» – или многоэтапной модализации содержания понятия: в случае слова «акратея» от значения «безвластие» – к значению «несамообладания».

Так, вместо того, чтобы сохранить за понятием «акратея» (XXXXXXXXXX) буквальный и морфологически обусловленный грамматический смысл «без-властия», дискурсы власти как бы комментируют его от себя и в качестве термина фиксируют уже не смысл слова, а свою версию его интеграции в практику: «немогущий», «недержавие», «пассивность». Любопытнейшим сторонником любой системы власти закономерно держится за идею о том, что без власти наступит хаос, люди не справятся с задачей самоуправления (и самовластия в подлинном, «допушкинском» смысле этого слова) в силу своей неразвитости, неготовности, онтологической несостоятельности. Таково его мнение, таково его видение мира и представление о природе человека и общества, в связи с чем и осуществляется переход ко второму этапу модализации понятия «акратея» (XXXXXXXXXX) или второй ступени дефиниции, на которых это слово лишается возможности быть зафиксированным в собственном смысле, и неизбежно начинает отражать взгляд того, кто имеет доступ к фиксации слов на письме. Очевидно, что такие результаты больше говорят не о смысле слова, а о судьбе его значений в контексте истории.

Таким образом, понятие акратеи (XXXXXXXXXX), а также понятий, производных от него, представляются нам в качестве подлежащих к возможному и даже необходимому переосмыслению и переозначиванию в соответствии со всем множеством их возможных значений, предшествующих кратоцентрическому их толкованию и включению во властные дискурсы, которые исторически господствовали и сохраняли тем самым монополию как на письменность в целом, так и на дефиницию слов в частности, что позволит также перевести слово «акратический» в употребление наряду с понятиями «анархистский» и «либертарный», а возможно даже и заменить их им в силу безусловных преимуществ этого слова в сравнении с ними: отсутствие политических отрицательных коннотаций в случае слова «анархистский» и двусмысленности – в случае слова «либертарный». Это могло бы оказаться продуктивным не только для анархистской мысли и ее судеб впоследствии, но и для переосмысления и ревизии истории философии под этим углом в целом.

Таким образом, историко-герменевтический анализ слова «акратея» (XXXXXXXXXX) позволил установить систематическое интерпретативное вмешательство в него господствующих дискурсов власти, располагающих монополией на дефиниции и официальную репрезентацию понятий (в текстах, словарях, документах, философских произведениях, литературе и даже поэзии). Это вмешательство мы обозначили как «ступенчатую дефиницию» или «поэтапную модализацию» слова, в ходе которых фиксируется не собственное значение слова, но отношение господствующего порядка власти к его содержанию, а также определение его судьбы в случае его последующего использования. Учитывая то, что исторически господствующими всегда оказывались именно властные дискурсы, все идеи, обозначающие не соответствующую им картину мира, подвергались подобной ступенчатой дефиниции и модализации, что приводило к их искажению и дискредитированию. В результате практически весь имеющийся в нашем распоряжении понятийный аппарат, спо-

собный передать идею безвластия или осуществить акратический проект, оказался заряжен негативными коннотациями, что стало причиной непривлекательности и сомнительной репутации любых ориентированных на этот проект слов, идей и стратегий и, соответственно, прямым образом повысило привлекательность всего, что так или иначе связано с властью.

В истории предпринимались неоднократные попытки преодолеть такое искажение – например, заменяя слово «анархистский» (XXXXXXXX) на «либертарный» (libertarian). Однако, эти попытки не увенчались успехом в силу формирования самостоятельного либертарного проекта. Слово же «акратея» (XXXXXXXX) на сегодняшний день, с одной стороны, еще не применялось повсеместно в исторической современности для целей обозначения «безвластия», и, с другой стороны, еще не успело оказаться дискредитированным исторически и политически, несмотря на его семантическую дискредитацию в его почти исключительно негативном словоупотреблении в античности. Поэтому его переозначивание (подобное которому уже не раз предпринималось в рамках контркультурных дискурсов – например, с понятиями «punk¹¹» и «queer¹²») и «переприсвоение» анархистским дискурсом может послужить существенной реабилитации ключевых аспектов анархистской мысли и близких к ней эмансипаторных проектов и концепций: феминизма, экологических и зоозащитных движений, а также других акратических проектов.

Впервые опубликовано: Рахманинова М., Гончарко О. Между «немощью» и «свободой»: к политической истории понятия «акратея» // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61, с. 62-79.

Оформление: кадры из фильма «Агора». 2009. Испания, Мальта, Болгария. Реж. Алехандро Аменабар

¹¹ Punk – буквально: дрянной, подонок, негодяй, и др.

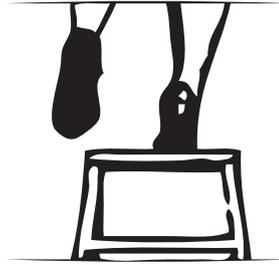
¹² Queer – оскорбление, указывающее на странность и неприемлемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Derrida J. *Margins in Philosophy* / J. Derrida. – Brighton: Harvest Press, 1982. – 360 p.
2. Derrida J. *Spurs: Nietzsche's Styles* / J. Derrida. – Chicago: University of Chicago Press, 1979. – 172 p.
3. Рахманинова М.Д. Власть как объект исследования: специфика описания, основные проблемы анализа, стратегии продуктивности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота, 2017. №10 (84), в 2-х ч. Ч.1. С. – 147–149.
4. Бакунин М.А. Государственность и анархия. / Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
5. Прудон П.-Ж. Что такое собственность? Или: Исследование о принципе права и власти. – М.: КРАСАНД, 2014. – 280 с.
6. Бакунин М.А. Федерализм, социализм, антитеологизм. / Избранные труды. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
7. Поляков Д.Б. Постанархизм. Субъект в пространстве власти. – Чита: ЗаБИЖТ, 2019 – 196 с.
8. Рахманинова М.Д. Язык власти в повседневности: основные стратегии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота. №11 (85). – С. 156–158.
9. Фетисов Ю. Вожаки-разбойники. Образы анархистов в отечественном кино // Ежегодная международная научная конференция «Прямухинские чтения». – с. Прямухино, Тверская область, 7–8 июля 2018 г.
10. Рахманинова М.Д. Генеалогия и теоретические основания современных форм анархизма: от XIX к XXI веку. – Saarbruecken: Lambert Academic Publishing, 2011. – 202 с.
11. Корнеггер П. Анархизм и феминизм: революционное единство (в переводе М. Рахманиновой) на сайте акратического проекта Akrateia [Электронный ресурс] – URL: <https://akrateia.info/anarkhizm-i-feminizm-revoliutsionnoe-edinstvo/> (дата обращения 20.10.2020).
12. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики управления. – М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. – 552 с.
13. Волин В. Неизвестная революция 1917–1921. – М.: НПЦ «Праксис», 2005.
14. Оруэлл Дж. Памяти Каталонии. Эссе. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 384 с.
15. Анархия работает. Примеры из истории России. М.: Common place, 2014. – 190 с.
16. Подшивалов И. Анархия в Сибири. М.: Common place, 2015. – 302 с.
17. П. Гелдерлоос. Анархия работает. Современная радикальная теория и практика, 2012. – 264 с.

18. Зеленова Д. Борьба против выселений сквотерских сообществ в современной Южной Африке. Доклад на конференции «Иерархия и власть в истории цивилизации», РАН. – Москва, июнь 2009.
19. Скотт Д.ж.С. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. – М.: Новое издательство, 2017. – 568 с.
20. Diccionario de la lengua Española [Электронный ресурс] – URL: <https://espanola.academic.ru/1630/acracia> (дата обращения 18.04.2020).
21. Анархистский интернет-ресурс Acracia [Электронный ресурс] – URL: <http://acracia.org/> (дата обращения 18.04.2020).
22. Franz Oppenheimer. Demokratie // In: Franz Oppenheimer, Soziologische Streifzüge, gesammelte Reden und Aufsätze, zweiter Band. – München 1927, S. 159-187. [Erstveröffentlichung in: Der Staatsbürger, München u. a., Bd. 5, 1914, S. 18-35 und 57-68. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.franz-oppenheimer.de/fo14a.htm> (дата обращения 18.04.2020).
23. «Acracia. Revista Sociológica» (Barcelona), 1886-1888 [Электронный ресурс] – URL: http://www.cedall.org/Documentacio/Castella/cedall203509000_Acracia%201886%201888.htm (дата обращения 18.04.2020).
24. «Akratie» (Basel), 1973-1981. [Электронный ресурс] – URL: <https://akratie.noblogs.org/> (дата обращения 18.04.2020).
25. The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon. [Электронный ресурс] – URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/Iris/demo/lexica.jsp> (дата обращения 01.12.2019).
26. Санжеников А.А. Трактат «о добродетелях и пороках» (перевод и комментарий) // Scholae. – Новосибирск, 2016. 10 (2). – С.754–778.
27. А.С.Пушкин — П.А.Вяземскому. 1 сентября 1822 // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма. – 1979.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Акратия
Между «немощью» и «свободой»: к политической истории понятия «акратея»
(XXXXXXXXXX)
10 сентября 2021 года

Скопировано 17.03.2025 с <https://akrateia.info/akrateia/>

ru.anarchistlibraries.net